

О. Ю. МАЛИНОВА

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАМЯТИ
О «ЛИХИХ ДЕВЯНОСТЫХ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
КОНФЛИКТЫ И СОПРЯЖЕНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ¹**

**POLITICAL USES OF MEMORY IN RELATION TO
“THE HARD 1990S” IN CONTEMPORARY RUSSIA:
CONFLICTS AND CONJUNCTIONS OF INTERPRETATIONS**

Collective memory of the first decade of post-Soviet transition is a significant factor in the political process in Russia both in the present and the future. It shapes the identities of current political forces, plays an important role in the legitimization of Putin’s regime, and affects the public’s attitudes towards future social transformations. Binary constructions based on opposition between “the hard 1990s” and “the stable 2000s” have become an oft-used trope that has “self-evident” connotations. However, sociological surveys demonstrate that characterization of “the 1990s” as “the hard” time has taken shape retrospectively. This article presents some results of research into the construction and transformation of the frameworks of collective memory concerning “the 1990s” and “the 2000s” in Russian political discourse. By focusing on the discourses of Presidents Vladimir Putin and Dmitry Medvedev, as well as of Russian politicians from the liberal, communist and nationalist camps, it reveals not only predictable differences but also interesting correlations between their representations of the 1990s.

Keywords: Political uses of the past, memory politics, the 1990s, post-Soviet transformation, political rhetoric

Olga Yu. Malinova – Chief Research Fellow, Dr. of Philosophy at the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Email: omalinova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2754-8055>

1 This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: OLGA YU. MALINOVA, “Politicheskoe ispol'zovanie pamiati o “likhikh devyanostykh” v sovremennoi Rossii: konflikty i sopriazheniia interpretatsii” [Political Uses of Memory in Relation to “the Hard 1990s” in Contemporary Russia: Conflicts and Conjunctions of Interpretations], *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 12 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.11

Ельцинские «девяностые» часто противопоставляют путинским «нулевым». «Девадесяты» ассоциируются с тяготами реформ, «ослаблением государства», криминальным «беспределом», неконтролируемой децентрализацией власти и утратой былого влияния на мировую политику, а «нулевые» – с экономической стабилизацией, «наведением порядка», «укреплением вертикали» исполнительной власти, возвращением «сильного государства» и ростом международного авторитета России. Недавнее прошлое воображается по принципу противопоставления ельцинского периода путинскому. Как свидетельствуют социологические исследования, негативную оценку 1990-х разделяет большинство россиян. По данным опроса Левада-Центра, проведенного в марте 2020 г., представление о том, что что 90-е гг. принесли стране больше плохого, чем хорошего, разделяют 62 % опрошенных, причем в группе старше 60 лет сторонников такой оценки оказалось 70%, а в группе до 36 лет – 53%².

Негативная оценка опыта 1990-х, несомненно, отражает жизненный опыт миллионов людей. Однако реальность была сложнее. Ведь тяготы реформ распределялись неравномерно, наряду с проигравшими были и те, кто так или иначе воспользовался новыми возможностями: в 1990-х гг. кардинально изменилась ситуация на потребительском рынке, высшее образование стало массовым, появились не только новые стимулы, но и возможности для внутренней и внешней мобильности, происходила революция в области средств коммуникации и многое другое. Вместе с тем, между двумя политическими эпохами была несомненная преемственность, ведь экономическая стабилизация 2000-х опиралась на институты, созданные в 1990-х. Кроме того, с самого начала путинского президентства было очевидно, что «наведение порядка» происходит за счет ограничения политических свобод. «Перекрашивание в один цвет» оказалось возможно в силу избирательности памяти. Очевидно, что основательно укоренившийся миф о «лихих девятидесятих» – результат избирательного забывания.

Забвение, как и память – не только физиологические, но и социальные феномены. Личный опыт, откладываясь в воспоминаниях, вписывается в смысловые рамки (фреймы), усваиваемые индивидами через

2 ГРЕБЕНЬ О., АГАПЕЕВА К., «Восприятие “девяностых”», Пресс-выпуск Левада-Центра, 6 апреля 2020 года, <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostyh/> (Дата обращения 14 января 2022 года)

дискурсы, которые они потребляют и производят. Теории коллективной памяти рассматривают представления о прошлом не столько как достояние индивидов, сколько как производное от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также социальных средств их сохранения и передачи³. Исходя из этого, следует предположить, что оппозиция «лихих девяностых» и «стабильных нулевых» отражает не только объективные различия двух политических эпох, но и то, как эти различия оказались осмыслены в дискурсе. Сравнительный анализ интерпретаций опыта «девяностых» в дискурсах соперничающих политических сил – ключ к пониманию символической борьбы, продуктом которой стал миф о «лихих девяностых» и «стабильных нулевых».

Настоящая статья обобщает результаты исследовательского проекта о конструировании смысловых рамок коллективной памяти о начальном этапе постсоветской трансформации в российском политическом дискурсе 2000–2010-х гг., поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований, грант № 17-03-00322⁴. Проведенное исследование позволяет сравнить особенности актуализации опыта «девяностых» в дискурсах а) преемников Б.Н.Ельцина на посту президента; б) политиков, имеющих репутацию либералов; в) коммунистов, национал-популистов и национал-патриотов, чтобы выявить конфликты и сопряжения разных версий политической памяти об этом периоде. Материалами для анализа послужили 1) стенограммы всех публичных выступлений и интервью президентов В. В.Путина и Д. А.Медведева, в которых затрагивались темы, имеющие отношение к политике и общественным практикам девяностых годов; источник – портал Президент России (www.kremlin.ru); 2) публикации лидеров КПРФ, ЛДПР, а также политиков, имеющих репутацию либералов и национал-патриотов, в центральных СМИ. Поиск проводился на базе коллекции «Центральная пресса России» на платформе EastView. Хронологические рамки исследования – 2000–2020 гг. Основной метод – качественный контент-анализ. Кодирование проводилось в программе MAXQDA 2018.

3 HALBWACHS M., *On Collective Memory* (Chicago Il.: University of Chicago Press, 1992); IRWIN-ZARECKA I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory* (New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994); WERTSCH J.V. *Voices of Collective Remembering* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511613715>

4 MALINOVA O., "Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin's Regime", *Problems of Post-Communism* 68, no. 5 (November 2021): 429–441. <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1752732>

В этой статье мы проанализируем, как соотносятся друг с другом интерпретации недавнего прошлого, представленные в разных сегментах российского политического спектра. Большинство исследований политического использования прошлого фокусируются на конфликтах интерпретаций, однако эффекты их частичного совпадения, возможно, представляют не меньший интерес, поскольку они связаны с формированием и использованием мифов, т. е. упрощающих нарративов, разделяемых членами сообщества.

Анализ дискурсов В. В. Путина и Д. А. Медведева, в качестве президентов РФ, показал, что апелляция к памяти о 1990-х гг. играла заметную роль в легитимации власти и обосновании политического курса (см. рис. 1).

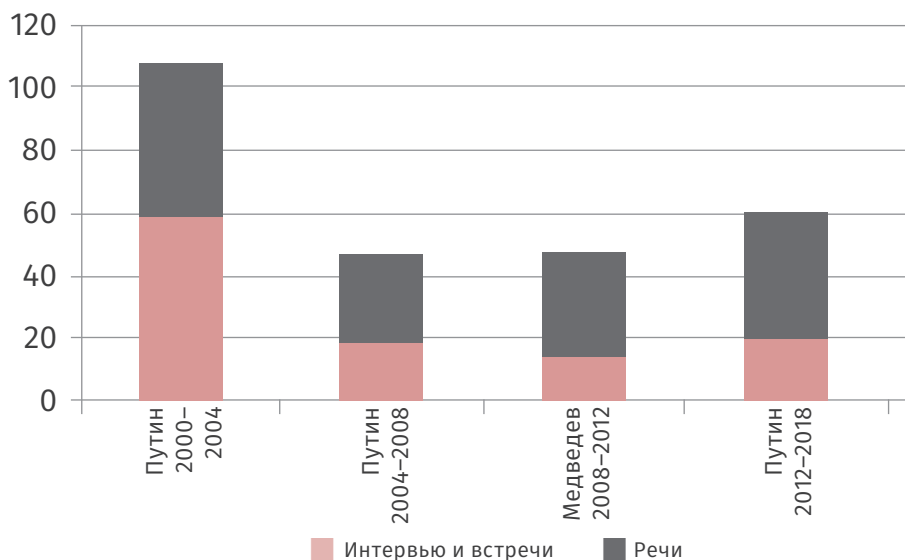

РИС. 1. Количество выступлений В.Путина и Д.Медведева, содержащих упоминания о 90-х, по периодам

В первые годы пребывания Путина в должности президента отсылки к опыту 1990-х в заранее подготовленных речах встречались немного чаще, чем в выступлениях на встречах и интервью, предполагавших большую степень спонтанности. Любопытно, что в дальнейшем доля таких отсылок в текстах, подготовленных спичрайтерами, снижается, однако и Путин, и Медведев нередко обращались к образам 1990-х в качестве аргументов в своих интервью и выступлениях на встречах.

На всех этапах эта тема играла важную роль в легитимации режима и обосновании политического курса. Вопреки тому, что статус назначенного преемника накладывал на В. В. Путина обязательство лояльности предшественнику, в его выступлениях с самого начала было немало высказываний относительно опыта 1990-х гг. и политики его Б.Н.Ельцина. При этом в 2000–2004 гг. в риторике Путина преобладали нейтральные или двойственные (сочетавшие позитивную оценку с критикой) высказывания. В дальнейшем в дискурсе Путина и Медведева закрепился репертуар преимущественно негативных образов. Именно он был в наибольшей степени востребован для аргументации в 2004–2018 гг. (см. рис. 2). Примечательно, что увеличение числа негативных высказываний о «девяностых» в 2012–2018 гг. произошло главным образом за счет спонтанных или полуспонтанных выступлений: 48% высказываний, которые имели негативную окраску, складываются из 42% прозвучавших в интервью и на встречах с общественностью и 6% – в речах, прочитанных по тексту. Это говорит о том, что обращение к негативно фремированной памяти о «девяностых» – часто используемый В.В.Путиным прием аргументации.

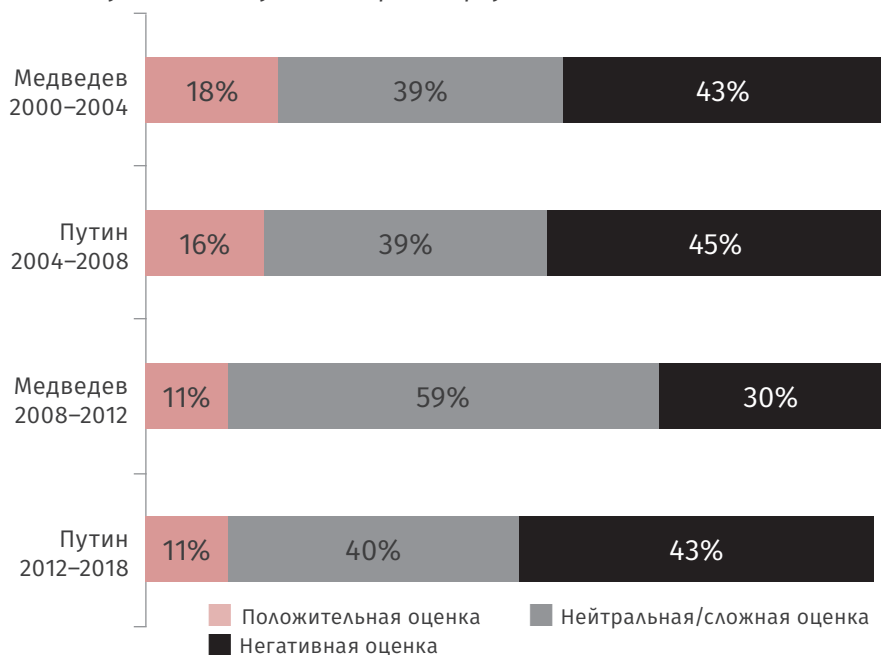

РИС. 2. Позитивные, негативные и нейтральные оценки «девяностых» в выступлениях В.В.Путина и Д.А.Медведева

По-видимому, поначалу конструирование оппозиции между «прежним» и «нынешним» было не столько результатом целенаправленной политики памяти, сколько следствием необходимости выстраивать собственную политическую идентичность, дистанцируясь от непопулярного предшественника, а также стремления соответствовать настроениям избирателей. Все ключевые идеологемы, которыми Путин описывал свою политику в начале 2000-х гг. – «сильное государство», «стабильность», «диктатура закона», «вертикаль власти», «единство», «порядок» – представлялись в качестве антитезы ельцинскому периоду. В ходе исследования риторики первого путинского срока на посту президента были выявлены три механизма конструирования смысловых рамок памяти о «девяностых» через противопоставление новому, путинскому этапу: 1) использование слов-знаков, которые спикеры наполняют разным содержанием, связывают с другими узнаваемыми словами-знаками и пытаются контролировать, дополняя новыми смыслами. В некоторых случаях это делалось с помощью противоположных по значению слов-знаков («сильная власть» – «расхлябанность власти» / «дряблая власть», «стабильность» – «утрата / недостаток стабильности»). Но чаще – за счет грамматической структуры фраз, предполагающей характеристику настоящего по сравнению с прошлым; 2) конструирование нарративов, позволяющих использовать неявные, но весьма эффективные приемы формирования противопоставляемых друг другу образов за счет отбора действующих лиц, эпизодов и выстраивания последовательности действий; 3) использование популистской риторики, сочетающей демонстрацию заботы о людях / понимания их нужд с явной и неявной критикой «других» политиков.

Можно предположить, что риторика В.В.Путина в 2000–2004 гг. была важным фактором формирования смысловых рамок памяти о 1990-х гг. Найденные и/или используемые им слова-знаки, образы, характеристики и конструируемые им нарративы подхватывались другими акторами, развивались или оспаривались, становясь частью «общедоступного» символического репертуара. Стремясь легитимировать собственную власть и оправдать собственную политику, Путин – скорее неосознанно, чем целенаправленно – вносил существенную лепту в формирование мифа о «лихих девяностых».

В дальнейшем негативный образ девяностых становится важным инструментом легитимации трансформирующегося политического режима. Путин систематически апеллирует к нему, оправдывая соб-

ственные решения нежеланием повторения того, что было «тогда». При этом с течением времени он дополняется новыми оттенками. В частности, хотя память о трудностях, пережитых в 1990-х, в риторике Путина чаще всего используется в модусе противопоставления «стабильности», обретенной/обретаемой в настоящем, иногда она фреймируется в духе «мифа поражения», после которого нация возрождается более сильной, вопреки врагам⁵. Будучи единожды опробован в послании Федеральному Собранию в 2005 г., этот прием был вновь использован в инаугурационной речи 2018 г., когда, упомянув об «очень тяжелых испытаниях», которые выпали «на долю нашего Отечества и наших людей» в 1990-е и в начале 2000-х годов, Путин напомнил, что Россия «не раз сталкивалась с эпохами смут и испытаний и всегда возрождалась, как птица феникс, достигала таких высот, которые другим были не под силу»⁶. По мере того, как «девяностые» становятся более отдаленным прошлым, ассоциация с «птицей фениксом» становится более заметным модусом политического использования памяти об этом периоде в контексте обсуждения геополитического противостояния с Западом.

Исследование дискурса либералов выявило иную логику «работы» с недавним прошлым. Будучи сосредоточены на продолжении экономических реформ, и «правые» либералы, представленные в начале 2000-х гг. Союзом правых сил (СПС), и социал-либералы из «Яблока» были склонны подчеркивать преемственность «девяностых» и «нулевых». Первые делали это, поскольку надеялись сохранить влияние на экономическую политику через присутствие в исполнительной власти и экспертных структурах. Вторые – потому что критически относились к реформам ельцинского периода и считали, что новое правительство лишь усугубляет старые проблемы. И те, и другие были озабочены наступлением на политические свободы, однако, признавая изъяны демократических практик 1990-х, не слишком упирали на контраст.

Хотя защита «наследия девяностых» от нападок критиков была существенным элементом мнемонических стратегий либералов, их усилия были в большей мере сосредоточены на оправдании их собственных – реализованных или не реализованных – программ реформ,

5 См.: Mock S., *Symbols of Defeat in the Construction of National Identity* (New York etc.: Cambridge University Press, 2012). <https://doi.org/10.1017/CBO9781139004022>

6 Путин В. В., «Владимир Путин вступил в должность Президента России», 7 мая 2018 года, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/57416> (Дата обращения 14.01.2022).

нежели на конструировании общего апологетического нарратива. При этом лидеры либеральных партий больше концентрировались на «трудных решениях» правящей элиты, нежели на анализе их последствий для сограждан. Последние в их дискурсе выступали скорее в качестве пассивного объекта заботы, нежели членов сообщества памяти, пережившего эпоху тяжелых, но необходимых реформ. Такой подход к защите «наследия девяностых» едва ли мог быть эффективным. Хотя либералы не поддерживали оппозицию «плохих девяностых» – «хороших нулевых», которая играла важную роль в дискурсе Путина, они не стремились формировать ностальгический образ «славных девяностых», апеллируя к прошлым демократическим завоеваниям.

Что же касается защиты «наследия 1990-х» от нападков критиков, то здесь усилия либералов были в большей мере сосредоточены на оправдании их собственных программ реформ, нежели на конструировании общего апологетического нарратива. В силу этого, несмотря на преобладание модуса преемственности, их дискурс скорее дополнял, нежели оспаривал образ «тяжелого десятилетия», на который опирается противопоставление «ельцинских девяностых» «путинским нулевым».

Наконец, анализ дискурсов тех политических сил, которые выступали противниками Б.Н.Ельцина и «демократов»/ «либералов», а также их «наследников», показал, что они разделяют негативную оценку событий 1990-х гг., однако по-разному вписывают их в свои исторические нарративы. В середине 1990-х гг. политические группы, составлявшие данную часть спектра, называли себя «народно-патриотической оппозицией». Этот термин достаточно ёмко описывал два идеологических полюса внутри антиельцинского лагеря: коммунисты различного толка – слева, национал-патриоты – справа. Противники использовали для обозначения этой комбинации уничижительный термин «красно-коричневые». В отношении идеологии оба полюса и тогда, и в дальнейшем были неоднородны. Их дискурсы совмещают идеи, которые, в зависимости от выбранных критериев, могут считаться как правыми, так и левыми, как радикальными, так и консервативными, а свойственный им всем акцент на нации как субъекте политического действия сочетается с разным пониманием задач национального строительства. Большинство представителей этого лагеря можно назвать националистами, но их национализмы – разные. В силу этого сложно найти точные термины как для собирательной характеристики данного политического лагеря, так и для квалификации составляющих его групп.

Пожалуй, главное, что их объединяло тогда и продолжает объединять сегодня – это противостояние «наследию девяностых». Несмотря на все политические и идеологические различия, в символической борьбе за память о «девяностых» современные политические силы, генетически связанные с «народно-патриотической оппозицией» режиму Ельцина, выступают единым фронтом.

Вместе с тем, если для коммунистов «девяностые» – это история о трагических последствиях утраченного «золотого века» (советского периода), то для национал-популистов это фон для конструирования собственной идентичности защитников русского народа, интересами которого систематически пренебрегали и советские, и постсоветские элиты. Для национал-патриотов это политический вызов, требующий ответа; причем в некоторых версиях этого нарратива присутствует оптимистическая тема пробуждения патриотических сил, позволяющая интерпретировать «девяностые» как момент поражения, за которым должен наступить реванш.

Нарративы коммунистов и национал-патриотов расходятся и в выборе ключевых событий, определяющих сюжетную линию, и в их интерпретации. Различия определяются как особенностями идеологий, сквозь призму которых рассматривается отечественная история, так и политическими биографиями соответствующих групп. Наиболее существенные расхождения касаются интерпретации советского периода. В распаде СССР и те, и другие безусловно видят трагедию. Но многие национал-патриоты считают ее естественным следствием того, что советский режим перестал соответствовать задачам «русского цивилизационного проекта». По определению А. Дугина, «Русская Мечта более не узнавала себя в советской догматике»⁷. В отличие от коммунистов, национал-патриоты сожалеют не о «советской Родине», а об утраченной «державе». Однако обвиняя в развале СССР Ельцина, они вынуждены признавать, что в 1990–1991 гг. «русская партия» поддерживала идею суверенной РСФСР. По словам В.Аверьянова, «из современников и участников тех событий мало кто может похвастаться прозорливостью своей лично и безупречностью занятой тогда пози-

7 Дугин А., «Где найти народность?», Завтра, 28 августа 2019, № 34, с.1. В том же духе высказывался и другой русский националист, Е. Холмогоров: «Советская система не стала “неэффективной” в капиталистической индустриальной логике. Она стала “бессмысленной”, смысл ее существования не просматривался даже самыми верными ее сторонниками» (Холмогоров Е. «Смыслократия», Завтра, 9 августа 2006, № 32, с. 3).

ции»⁸. Таким образом, в нарративах национал-патриотов распад СССР представляется катастрофой, которая произошла не только из-за происков врагов и некомпетентности элит (эти факторы не сбрасываются со счетов), но и в силу внутреннего несовершенства позднесоветского проекта, его «порчи» вследствие постепенной интеграции в мир «потребительского глобализма»⁹.

В чем представители этого фланга совершенно единодушны с коммунистами, так это в оценке перемен, наступивших в России после распада СССР. Национал-патриоты критикуют экономические реформы 1990-х гг., которые «привели нас от малоэффективной административно-командной системы к еще менее эффективной – просто чудовищно неэффективной системе»¹⁰, создали «экономику присвоения», основанную на потреблении ресурсов. При этом они особенно подчеркивают, что реформы проводились по рецептам американских специалистов и служили целям геополитической диверсии Запада против России. Как и коммунисты, национал-патриоты вменяют в вину Ельцину расстрел Белого дома в 1993 г., после которого была создана политическая система, лишенная механизма ответственности власти перед народом, благодаря чему «ельцинская хунта» смогла беспрепятственно заняться «самообогащением за счет присвоения общенародных богатств»¹¹. Представители этого лагеря критикуют поведение федерального центра во время первой чеченской войны; но в отличие от коммунистов – не столько за причиненные ею жертвы, сколько за «попустительство и нерешительность», поощрявшие «создание уголовного заповедника на Северном Кавказе» и за то, что «начавшая приносить победы первая военная кампания» была «преступно» прервана¹². Наконец, национал-патриоты называют антинациональной внешнюю политику Ельцина, полагая, что «раболопное эпигонство начала 90-х годов привело к катастрофическим утратам, несмотря на ядерный потенциал, систему международных договоров и внушительную экономику»¹³.

8 Аверьянов В. В., «ГКЧП, Беловежье и другие сценарии», Слово, 17 июня 2011 года, № 23, с. 6.

9 Холмогоров Е. «Корни ностальгии», Завтра, 22 апреля 2005 года, № 16, с. 5.

10 Рогозин Д. «Экономическая война: Тезисы к экономической программе Партии “Родина”», Завтра, 1 июня 2005 года, № 22, с. 3.

11 Глазьев С., ‘Кто губит Россию’, *Молодая гвардия*, по 5. (2007): 115–116.

12 Нарочницкая Н.А., «Дубровка и Беслан: Кара за равнодушие», Комсомольская правда, 5 октября 2004 года, № 187, с. 8.

13 Нарочницкая Н.А., «Повестка дня для России», Наш современник, 2007, № 11, с. 239.

Национал-патриотический нарратив, как и коммунистический, в качестве виновников «преступлений» 1990-х гг. рассматривает Ельцина и «либералов». Борьба с последними – едва ли не главная цель напоминований о недавнем прошлом в их выступлениях 2000–2010-х гг.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что образ «лихих девяностых» играет важную роль в формировании водоразделов в современной российской политике, позволяя столь разным политическим силам конструировать, с одной стороны, собственные идентичности, а с другой – общих врагов. Интерпретации 90-х в рассмотренных дискурсах в основном подчинены логике политической прагматики. Собственно мнемонические цели выступают на первый план лишь в случаях оспаривания интерпретации оппонентов. В роли таковых как правило выступают «либералы», причем нередко предметом спора является не актуальные высказывания, а приписываемая точка зрения.

References

- V. V. AVERIANOV, “GKChP, Belovezhie i drugie stsenarii” [GKChP, Belovezh and other scenarios], *Slovo*, no. 23 (17 June 2011): 6.
- SEYMOUR BECKER, “Russia and the Concept of Empire,” *Ab Imperio*, no. 3–4 (2000): 329–42. <https://doi.org/10.1353/imp.2000.0032>
- A. DUGIN, “Gde naiti narodnost’?” [Where to Find the Nation?], *Zavtra*, no. 34 (28 August 2019): 1.
- O. GREBEN’, K. AGAPEEVA, “Vospriiatie devianostykh” [The Perception of the Nineties], Levada Center press release, 6 April 2020, <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostykh/> (accessed 14 January 2022).
- M. HALBWACHS, *On Collective Memory* (Chicago Il.: University of Chicago Press, 1992).
- I. IRWIN-ZARECKA, *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory* (New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994).
- YE. KHOLMOGOROV, “Korni nostalg’ii” [The Roots of Nostalgia], *Zavtra*, no. 16 (22 April 2005): 5.
- YE. KHOLMOGOROV, “Smysloktratiya” [Meaningocracy], *Zavtra*, no. 32 (9 August 2006): 3.
- O. MALINOVA, “Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin’s Regime”, *Problems of Post-Communism* 68, no. 5 (November 2021): 429–441. <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1752732>
- S. МОСК, *Symbols of Defeat in the Construction of National Identity* (New York etc.: Cambridge University Press, 2012). <https://doi.org/10.1017/CBO9781139004022>
- N. A. NAROCHNITSKAIA, “Dubrovka i Beslan: Kara za ravnodushie” [Dubrovka and Beslan: Punishment for Indifference], *Komsomol’skaia pravda*, 5 October 2004, no. 187: 8.
- N. A. NAROCHNITSKAIA, “Povestka dnia dlia Rossii” [The Agenda for Russia], *Nash sovremennik*, № 11 (November 2007): 239–248.

V. V. ПУТИН, “Vladimir Putin vstupil v dolzhnost’ prezidenta Rossii” [Vladimir Putin Took Office as President of Russia], 7 May 2018, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/57416> (accessed 14.01.2022).

D. ROGOZIN, “Ekonomicheskaja voina: Tezisy k ekonomicheskoj programme Partii ‘Rodina’” [Economic Warfare: Abstracts for the Economic Program of the “Rodina” Party], *Zavtra*, no. 22 (1 June 2005): 3.

J. V. WERTSCH, *Voices of Collective Remembering* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511613715>